

А.С. Трачевский

Наполеон I

**Его жизнь и государственная
деятельность**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
А11

A11 **А.С. Трачевский**
Наполеон I: Его жизнь и государственная деятельность / А.С. Трачевский –
М.: Книга по Требованию, 2021. – 83 с.

ISBN 978-5-4241-2487-7

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839-1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

ISBN 978-5-4241-2487-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© А.С. Трачевский, 2021

Литература по эпохе Наполеона I поистине необозрима. Представляет колоссальное предприятие уже один ее критический указатель, предпринятый с 1894 года итальянцем *Lumbroso*: *Saggio di una bibliografia raggionata dell'epoca Napoleonica*. И эта литература растет с каждым днем, особенно в последнее время. Тут рвение поддерживается борьбой еще не утихших партий и противоположных взглядов. Отсюда масса мемуаров, какою не щеголяла ни одна эпоха в истории до такой степени: среди них видим такие крупные произведения, как записки Меттерниха (1880 – 1884), Талейрана (1890 – 1892), Марбо (1891), г-жи Ремюза. Не говорим уже о целой библиотеке военных мемуаров с заметками самого Наполеона во главе (*Memoires pour servir a l'histoire de France sous Napoleon, écrits a S-te Helene par les generaux qui ont partage sa captivité 1823 – 1825. 8 т.*, поясняемыми биографией знаменитого военного теоретика *Jomini* (*Vie politique et militaire de N. 1827. 4 т.*) и исследованиями немецкого военного писателя *Bleibtreu: Die napoleonischen Kriege. – Der Imperator* и др. (1870 – 1893).

По изобилию, а особенно по значению, с мемуарами поспорят документы или подлинные акты как военного, так и гражданского свойства. Их особенно много появилось в последнее время благодаря открытию государственных архивов для ученых. Нам лично посчастливилось исследовать архивы министерств иностранных дел в Петербурге и Париже. Найденные нами бумаги напечатаны в четырех томах в “Сборнике Императорского русского исторического общества” за 1890 – 1893 годы. Они охватывают период 1800 – 1808 годов; остальное сдано в упомянутое общество семь лет тому назад для дальнейшего издания. Важное значение имеет и 32-томная переписка самого Наполеона I (*Correspondance de N. I. 1858 – 1870*), хотя по ней прошлась рука издателя-племянника не к выгоде истины.

Нечего и говорить о множестве монографий на всех языках, посвященных различным вопросам или эпохам, годам в жизни Наполеона. Укажем только на более любопытные и новейшие из них. Для характеристики личности Наполеона важны труды *Masson'a: N. et les femmes*, 1893; *N. chez lui*, 1894; *N. inconnu*, 1895; *Les cavaliers de N.*, 1897. Для анализа дипломатии – *Houssaye: 1814 (1889); 1815 (1894). Vandal: N. et Alexandre I, 1891 – 1896, 3 т. Tatischeff: Alexandre I et N., 1891*. Для оценки внутренней деятельности Наполеона – *Blanc: N. I, ses institutions civiles et administratives, 1880. Welschinger: La censure sous le premier empire, 1882*. Для характеристики его преемников – *Kleinschmidt: Die Eltern und Geschwister Napoleons I, 1878*.

Но было немало и попыток дать даже биографию Наполеона, впрочем, по большей части неполных и вообще односторонних. По изобилию фактических данных до сих пор не утратили своих достоинств старейшие сочинения дипломата времен императора *Bignon'a: Histoire de France sous Napoleon. 1838 – 1850. 14 т.* и *Thiers'a: Histoire du Consulat et de l'Empire. 1845 – 1862. 20 т.*). Это – главные из почитателей Наполеона. Выступившие против них “хулигани” (*Prince Napoleon: N. et ses detracteurs. 1887*) отнюдь не исчерпали темы: таковы *Lanfrey: Histoire de Napoleon. 1867 – 1875. 5 т.* и *Taine: Le régime moderne. 1891 – 1894. 2 т.*). Любопытно, что встречается мало общедоступных жизнеописаний Наполеона, вероятно, вследствие большой трудности предмета. Притом они относятся уже к нашему времени, если не считать таких слабых попыток, как биографии *Вальтера Скотта (1827. 9 т.)* и *Шлоссера (1832 – 1835. 3 т.)*. Среди последних можно отметить работы австрийца *Fournier (N. I. 1886 – 1889. 3 т., с обширной*

библиографией), англичан *Seely* (A short history of N. 1886) и *Wolseley* (Decline and fall of N. 1894. 3 т.), наконец, американца *Слоона* (Новое жизнеописание Н. 1896).

Неисчислима и иконография Наполеона I. Есть множество его портретов. Наш – один из лучших: он принадлежит кисти Поля Делароша. Запас рисунков, характеризующих Наполеона и его время, можно видеть у *Laurent* (1826), *Norvins* (1827. 4 т.), *Peyre* (1888), *Dayot* (N. peint par l'image. 1893) и *Crand-Carteret* (N. en image; estampes anglaises. 1895).

Глава I. Треволнения юности. 1769 – 1796

Наполеон Бонапарт родился на острове Корсики, в городке Аяччио, 15 августа 1769 года. В то время там славился на весь мир молодой диктатор Паоли – благородный патриот, философ, законодатель, мечтавший сделать из Корсики образец прогресса и демократии согласно с идеями нового Просвещения. Для этого он освободил свою родину от господства генуэзцев. Но “старый порядок” отомстил смелому преобразователю в лице Людовика XV: именно в 1769 году французы захватили остров. Паоли бежал в Англию.

Лет двадцать спустя великий старец Корсики был утешен на чужбине звуками родной вендетты (мщения). Один юный земляк писал ему: “Я родился, когда 30 тысяч французов, изрыгнутых морем на берега моей родины, запятнали престол свободы потоками крови. Вот гнусное зрелище, представшее моим первым взорам! Крики умирающих, стоны и жалобы обиженных, слезы отчаяния окружали мою кольбель... Я родился, когда умерло мое отчество”.

Этот неукротимый корсиканец, который лет пятнадцать спустя захватил престол поработителей своего отечества, был наш герой.

Бонапарты были тосканские патриции, издавна переселившиеся на Корсику. Отец Наполеона, Карло, мелкий юрист в Аяччио, служил сначала у Паоли, потом перешел к французам. Самодур и кутила, он рано умер, не оставив своему второму сыну ничего, кроме долгов, рака желудка и каменной болезни. Жена Карло, строгая красавица Летиция, была “мужская голова на женском туловище”, как говорил Наполеон. Крепкая телом и душой крестьянка, она передала ему черты своего лица, свою выносливость, точный ум и неразборчивость в средствах. Эта величавая Сударыня-Мать (Madame-Mere) империи навсегда сохранила мужицкую сквердность и корсиканскую грубость.

Из множества детей Летиции выжили, кроме нашего героя, семеро: Жозеф, Люсиен, Люи и Жером, Элиза, Полина и Каролина; кроме последней, все они пережили Наполеона. Ее любимчик, второй сын, был забияка. Наполеон сам говорил про себя: “Я не отступал ни перед чем, ничего не боялся, наводил страх на всех моих сверстников”. Он дрался, царапался, кусался, а виноваты всегда оказывались другие. Обучение его было “самое жалкое”. Одиннадцатилетний “дядюшка” (по матери) Феш выучил его грамоте, а один церковник – катехизису.

В 1779 году Карло поместил мальчика в военное училище в *Бриенне* на казенный счет. Перед тем его подучили по-французски, но плохо: Наполеон на всех языках говорил грубо и писал с ошибками. Воспитателями в Бриенне были невежи-монахи, а учениками – “кадеты-жантильмы”, французские дворянчики. Товарищи насмехались над неуклюжим, нервным “гладковолосым корсиканцем”, который дичился их как бедняк и уединялся со своим Цезарем или Плутархом в садик. Под конец корсиканец предавался порывам ярости. “Наделаю французам столько зла, сколько могу!” – шипел он и мечтал “сравняться с Паоли”. И кадет-демократ торжествовал, выдумав игру в крепости из снега: при атаке на них жантильмы избирали его своим командиром. “Я уже чуял инстинктом, что моя воля должна подчинить себе чужую волю”, – говорил он впоследствии. В письмах домой, сухих, повелительных, отрок заботился о родных как отец. Наставники хвалили его успехи по истории и географии, а еще больше по матема-

тике, но прибавляли: “Нрав властолюбивый, требовательный, упрямый”.

За успехи Бонапарт был переведен в 1784 году в военную академию в *Париж*. Здесь он пробыл с год и слушал знаменитого математика Монжа. Он увлекался только фактами да прикладной стороной науки: немецкий учитель-философ назвал его “скотиной”. Бонапарта выпустили по ускоренному экзамену: кажется, от него хотели избавиться. Начальство признавало за ним способности и прилежание, но аттестовало его так: “Крайне самолюбив, безгранично честолюбив, резок, энергичен, капризен, готов на все: пойдет далеко, если обстоятельства поблагоприятствуют”. В академии волчонок стал спартанцем: умер отец, а помогавший ему друг дома прекратил пособие. И все-таки Наполеон считал обе школы своим “счастливым временем”.

Наш поручик артиллерии застрял на четыре года в провинциальных гарнизонах: в *Балансе* (Дофинэ), *Дүэ* (на границе Фландрини) и в *Оксонне* (на Луаре). Он испытывал и нищету, и муки честолюбия.

Тогда-то слагался этот гений переходной эпохи, и на его примере лучше всего видно, как “великие люди” совершенно естественно, буднично зреют плодами своего времени, его послушными орудиями.

Как раз в середине гарнизонного прозябания Бонапарта вспыхнула Великая французская революция. Сметливый поручик Бурбонской монархии, задававший тон всему матерiku, видел, как разваливался сам собой пресловутый *старый строй* (*ancien régime*), основанный на подгнивших пережитках средневековья. Заскорузлый в предрассудках властолюбия абсолютизм, невежественное и нетерпимое духовенство, спесивое, праздное и бездарное дворянство, – словом, привилегированные части отмирающего феодализма, поглотив собственное будущее, тревожно доживали свои последние дни. У них уже не было ни крепкой власти, ни денег, ни нравственного обаяния; там и сям слышался подспудный ропот народа, вспыхивали бунты среди голодных, изверившихся масс и даже в рядах развращенных армий.

Пример казармы и лагеря, бывших рассадниками всяких пороков, был особенно понятен нашему поручику. Войско состояло тогда по преимуществу из добровольцев, то есть из подонков общества, которых так называли вербовщики: “У нас три раза в неделю танцы, два раза игры на вольном воздухе; остальное время солдаты играют в кегли, в чехарду, ходят в караул и на ученье. Почти все время посвящается удовольствиям, – и жалованье большое”. Офицерами были только “жантльомы” – испорченные до мозга костей дворянчики, кутилы и фанфароны. Да и те, если не было особой протекции, служили поручиками пятнадцать лет, чтобы еще через пятнадцать лет выйти в отставку с орденом, на скучную пенсию.

Если Франции, а с ней и всему цивилизованному человечеству, суждено было жить, старый строй должен был уступить место новому, основанному на противоположных началах. И уже давно, с гибельного конца короля-солнца, Людовика XIV, началась критика существующего порядка, которая с каждым днем становилась все более беспощадно и всесторонне. А рядом слагалось новое мировоззрение, которое было таким шагом вперед из прежнего мрака, что его называли *Просвещением*. Во второй половине XVIII века, особенно при Людовике XVI, лучшие люди, светлейшие умы с Монтескье, Вольтером, Дидро и другими во главе составили неодолимую армию “философов”, или “энциклопе-

дистов”. Их главный труд – знаменитая “Энциклопедия” (1751 – 1780) – представлял арсенал нового мировоззрения по всем вопросам жизни и теории. При всем разнообразии оттенков в мыслях эта армия шла под одним знаменем: ведь не могло быть спора о том, что именно следовало противопоставить слишком известным порокам старого строя. Бесконтрольный деспотизм монарха, разбойничий эгоизм “привилегированных” (privileges), фанатизм клерикалов должно было заменить самодержавием народа, или демократизмом, всеобщим равноправием и человеколюбием. Отсюда священная формула – *свобода, равенство и братство* (liberte, egalite, fraternite), которую мы читаем на всех знаменах и гербовых бумагах времен революции.

Эта упрощенная формула всего человеческого бытия быстро проникла всюду: ее понимали сердцем в крестьянских хижинах, выносивших на себе главное бремя старого строя; она раздавалась в чертогах знати и у подножия престола благодаря талантливым, остроумным книжкам и сценическим представлениям. Но больше всего она проникла всюду через веющие слова нового пророка – “гениального чудака” Жан-Жака Руссо, который умер, когда Наполеону было девять лет. Руссо расширил содержание жизни, дополнив “разум” энциклопедистов чувством и фантазией, этими основами грядущего романтизма. Они привели его к “жизни за правду”, к “сладострастью грез” о лучшем будущем: оттого он так неотразимо действовал на молодежь. Этот деревенский “медведь” с адской ненавистью отнесся к лживому “свету”, к исковерканному обществу привилегированных: вместе с ним он проклял и всю цивилизацию за ее пороки; его догматами стали немая природа и созданный его устами идеалистический “дикарь”. “Новый Диоген” воспитал в себе, в пустынности своего бытия, пламенную любовь ко всем обделенным и слабым и “неугасимую ненависть к притеснителям бедных людей”. Этих-то нищих духом он сделал венцом творения: “самодержавие народа”, дающего власть правителям по “договору”, полное равенства, терпимость к ближнему – вот что хотел поставить пророк на развалинах прогнившего старого строя. Сын нищего, мученик отчаяния, Руссо глубже всех понимал болезнь века, смелее всех выступал с коренным лечением и жег сердца пламенной речью трибуна, писал слезами и кровью. Оттого-то к его нередко фантастическому голосу прислушивались и львицы “света”, и труженицы изб. И в течение всей эпохи, да долгое время и после, мы встречаемся на каждом шагу с “руссом”, притом не только в политике, но также в литературе, искусстве, в нравах всего мира.

Если энциклопедисты с их “вольтерьянством” надеялись подправить существующий строй с помощью свободы и положили начало *революции* лишь по необходимости, то дух Руссо отразился в ее разгаре, в полноте ее сил. Переворот был неизбежен: старый строй допускал “философию” лишь как обязательную и красивую моду, как литературное явление; он был не способен преобразиться, дать простор новорожденным силам истории. Это стало очевидным уже в 1781 году, когда либеральный министр финансов, Неккер, был вторично уволен за то, что этот “протестантишка” немного сократил расходы двора и советовал королю дать “народу маленькое участие в управлении”. Вскоре старый строй понял необходимость уступить противнику ему “духу нововведений”; но он все опаздывал, надеясь обмануть проснувшийся народ обещаниями. И кончилось созывом “Генеральных штатов”, или государственных чинов – этого старого земско-

го собора, который назывался небывалым именем *конститюанта*, или национальное собрание для начертания конституции, то есть нового государственного уложения. День открытия нового учреждения – 5 мая 1789 года – принято считать началом эры Великой французской революции.

В тот день Бонапарт, будучи поручиком захолустного гарнизона, томился в Оксонне, в самых тяжелых условиях. В Валанс было еще сносно. Там наш офицер сначала даже отдавал дань юности. Он посещал местную аристократию, взял несколько уроков танцев, наконец, влюбился было в одну дебелую девицу с задорным лицом. “Я тоже когда-то любил!” – говорил он потом с удивлением. Поручик почтывал романы и немного сентиментальничал: “Вертера” Гете он проглотил пять раз подряд. Но не прошло и полугода, как неугомонный юноша опять погрузился в работу и затосковал. Рукой покаянника написал он тогда: “Любовь – бред, болезнь: я даже считаю ее вредной для всего человечества вообще и для каждого человека в отдельности... Царю мира, мужчине, недостойно томиться в цепях существа слабейшего и разумом, и телом. Разве доверят защиту осажденного отечества или государственную тайну безвольному ребенку, который волнуется от одного движения другого лица?..”

Бонапарт работал усердно, но не в ожидаемом нами направлении. Военная служба вообще не нравилась ему за свою рутину и мелочность: раз он попал под арест за нерадение. Поручик старался запастись только практическими сведениями, особенно по артиллерии, как орудиями карьеры, ремесла. Его занимали больше история да география, а главное – литература. Он поглощал массу книг, черкал их на полях, делал выписки, вдумывался. Тут были древние и французские классики, в особенности же энциклопедисты, экономисты, итальянские филантропы. Но больше всего отдавалась дань тогдашнему властителю дум: дамы даже сравнивали задумчивый взгляд красивого поручика со взорами пророка просвещения. Загнанному бедняку нравилось и уничтожение “привилегированных”, и самодержавие народа с его свободным договором. Он начал было писать жестокое рассуждение против абсолютизма.

Но и чтение запоем не могло унять муки его честолюбия. Угрюмый поручик чуждался даже товарищей. В его дневнике прорывались такие фразы: “Вечно одинокий среди людей, возвращаюсь я домой мечтать с самим собой, отдаваться всей силе моей тоски... Жизнь в тягость мне; радости бегут от меня; все для меня – мучение. Люди, с которыми я живу, далеки от меня нравом, как блеск луны от света солнца. Если бы поперек моей дороги стояла одна только чья-либо жизнь, я не задумался бы вонзить клинок в грудь тирана и тем отомстить за мою отчизну и за попранные законы”.

И немудрено было тосковать. Наш поручик прибыл в Валанс наполовину пешком, вместе со своим любимцем, братом Люи, и оба должны были жить на три франка в день. В Дуз он схватил болотную лихорадку, которая мучила его семь лет и раз чуть не уложила в могилу. В Оксонне он стал аскетом от безденежья, ел раз в день, спал по шесть часов. А тут худые вести с Корсики: мать чуть не голодала с кучей непристроенных детей.

Бонапарт метался, как лев в клетке. Не забудем, что он причислял себя к “философам”; а их аксиомой было всемогущество разума в смысле личности, которая будто бы может сразу переделывать учреждения и нравы. К тому же наш поручик раздражал себя чтением о великих полководцах и правителях, да о та-

иностранном Востоке, который ждет нового Александра, а покуда обогащает ненавистную Англию. Бонапарт закидывал начальство назойливыми просьбами в пользу семьи, причем лукавил и привирал; но ему даже не отвечали. Бедняга хватался за литературные труды; но он не умел писать и не находил издателей. Впоследствии он тщательно истреблял это бумагомаранье, пропитанное пылким революционным духом. Наконец Бонапарт самолично явился внезапно то в Париже, то на Корсике, пользуясь отпусками, непостижимыми даже при тогдашней анархии в войсках. Но всюду неудачи: и честолюбец готов был драться с турками на русской службе. Екатерина II не обратила внимания на его предложение. Однако Бонапарт не отчаялся. Когда Летиция плакалась на бедность, он утешал ее так: “Отправлюсь в Индию – и через несколько лет возвращусь набобом, привезу хорошее приданое всем трем сестрам”.

А волны революции уже подымались всюду. По провинциям вспыхивали бунты; брожение овладевало даже четвертым полком в Оксонне. Была уже в огне и Корсика. Наш поручик бросился туда.

Летиция не узнала своего любимица. Прежде она с трудом переносила его туманные фантазии и чванство новою философией; теперь же она увидела перед собой осторожного практика, который смело и ловко брался за жизненные опыты. То была прелюбопытная пора в жизни Бонапарта, но неясная: потом он сам всячески заметал ее следы. В эти-то шесть лет (1789 – 1795 годы) обнаружились в нем редкая самоуверенность и отвага, лукавство и честолюбие. Он говорил тогда в своей семье: “Кто не согласился бы с радостью умереть под ударами кинжалов, лишь бы сыграть роль Цезаря? Один луч славы, выпавший на долю великого человека, был бы достаточным вознаграждением за насильственную смерть”. А своим политическим товарищам он проповедовал: “Закон подобен статуям богов, которые иногда приходится окутывать завесой”. Наш поручик задумал овладеть Корсией, но в то же время не разрывать с ее поработительницей. “Стану я, – думал честолюбец, – главарем якобинства, и революция наградит меня во Франции. Освободится Корсика – и я перейму роль Паоли”. Отсюда – замечательная двойная игра. Благодаря ловким прошениям Бонапарт большую часть времени провел в отлучках, и отчасти без разрешения начальства. А сам все воевал с Францией. Он превратил клуб “патриотов” в очаг якобинства и независимости острова. Но сначала дело дальше не пошло: ревизор Учредительного собрания назвал этих патриотов “самыми презренными людьми”. Бонапарт возвратился в Оксонн: и ему не только простили все, но и сделали штабс-капитаном, с 1300 франками жалованья.

Настала прежняя нищета, опять с Люи, да муки честолюбия и горевание о голодающей семье. Смутьян развлекался только посещением местных якобинцев да болтовней с крестьянами; в то же время он дружил с сельскими батюшками и ходил к ним на исповедь. Вскоре Бонапарт был переведен в знакомый Валанс, где стало еще хуже: даже жалованье стали платить неаккуратно. А долина Роны становилась очагом радикализма. “Южная кровь струится в моих жилах столь же быстро, как вода в Роне!” – воскликнул штабс-капитан. Он стал председателем местного якобинского клуба. Затем вдруг забрал жалованье вперед, выхлопотал отпуск и снова очутился в Аяччио. Здесь возобновились интриги и волнения пуще прежнего. После подкупов, обольстительных слов, даже драк (причем был побит его же друг, Пощо ди Борго) Бонапарт был выбран в начальники наци-

нальной гвардии. И от него житья не стало: он был ультрамонтанов, захватил их монастырь, чуть не овладел цитаделью Аяччио. Наконец и корсиканцы, и парижские комиссары спровадили буяна с острова, снабдив его деньгами и отличными attestациями.

В мае 1792 года явился в Париж французский штабс-капитан и корсиканский подполковник. Но тщетно просил он mestечка: сам военный министр признал его поведение “райне предосудительным”. Бонапарт закладывал свои пожитки, собирался снимать квартиры. Его спасла опять революция. Она объявила войну Австрии, а эмиграция так ополовинила офицерство, что пришлось все простить дезертиру. Бонапарт был произведен в капитаны четвертого полка. Но он не спешил к полку, который был уже в огне: он опять получил отпуск и в четвертый раз появился на Корсике. Тогда якобинцы уже овладели Францией под видом Конвента. Бонапарт стал вести себя на родине как их посланец – горделиво и повелительно. Но – еще неудача! Вся Корсика вознегодовала на изменника. Разъяренная чернь бросилась на имения Бонапартов.

В июне 1793 года семья Бонапартов бежала в Тулон. Здесь якобинцы пристроили Жозефа в армию, “Робеспьеира”-Люсьена и Феша – в комиссариат; Люи попал в военную школу. Сам Наполеон поспешил в Ниццу к Брюну, начальнику “итальянской” армии, выставленной против сардинцев: его назначили капитаном на береговую батарею. Положение французских войск было тяжелым ввиду борьбы Конвента со всею монархическою Европой. Их “четырнадцать армий” были плохо снаряжены. Не хватало даже вооружения: Брюн послал Бонапарта в Авиньон за пушками. А внутри страны подымались враги якобинства – роялисты на севере, умеренные республиканцы на юге. Против последних Конвент выслал новую армию с генералом Карто. Сюда-то прибыл Наполеон. У Карто было так мало офицеров, что он оставил его у себя, дав ему батарею. Двинувшись сам к Марселью, он оставил капитана в Авиньоне для устройства артиллерийского парка.

Среди бесшумной работы в средневековом городке Бонапарт вдумался в события. Корсика исчезала с его горизонта; в Европе кипела борьба, озарившая славой какого-нибудь Пишегрю – презренного товарища по Бриенну. А он не мог даже прокормить свою семью: умеренные республиканцы успели овладеть Тулоном, и Летиция бежала в Марсель, питаясь чуть не подаянием. Корсиканец стал французским искателем приключений: он попросился в рейнскую армию. Но Конвент занят был тогда падением Тулона, который попал в руки англичан с помощью умеренных республиканцев. Карто двинулся на выручку города. К нему напросился наш капитан в ожидании перевода на Рейн. Он вселил необычайное рвение в дремавшую осадную артиллерию, и осаждавшие решились перейти в наступление. Накануне, на военном совете, завязались горячие споры. И юный капитан увидел “всю нашу глупость, все невежество, все страстишки и предрассудки штабных”, как доносил он Конвенту. Наконец был принят его план – и “Малый Гибралтар” был живо разнесен. Сам капитан выказал отчаянную храбрость: под ним пало три коня. “Меня считали неуязвимым; и я поддерживал это мнение, скрывая легкие раны”, – говорил он потом. Начальство восхваляло перед Конвентом “замечательные” достоинства “этого редкостного офицера”.

Бонапарт начал проявлять и другие качества. Господство якобинцев обернулось тогда террором, ужасом. Люди теряли голову, ударяясь в крайности. А юный

капитан стал сдержан, осторожен. Он устранился от политики и зарылся в свое дело, изучая берега от Тулона до Ниццы. Он начал также очаровывать людей: в него уже верил не один Робеспьер-младший, но и Баррас, Мармон, Жюно. “Повысьте его, не то он сам возвысится”, – писал Баррас Конвенту. В начале 1794 года “гражданин” Бонапарт был произведен в brigadier генералы с назначением начальником артиллерии итальянской армии.

В этой армии (67 тысяч человек) дивизионным генералом был Массена, едавали не лучший полководец эпохи. Он вытеснил австрийцев и сардинцев из прибрежных Альп и уже захватил перевал Тенду. Тут его остановил “представитель народа”, Робеспьер-младший. Его приятель Бонапарт начал распоряжаться армией. Он пустил Массена в огонь, а сам недурно проживал в Ницце со своей семьей. Наконец-то карьера обеспечивалась; но вдруг случился самый страшный удар: 9 термидора (июля) скатились головы обоих Робеспьеров; “термидорианцы” сразу покончили с террором. Бонапарт поспешил заявить, что если бы он знал о замыслах Робеспьера, он “не задумался бы вонзить ему кинжал в сердце, хотя бы то был его родной отец”. Но его заточили в форт на юге. Он отправил оттуда трогательное послание в Конвент, где говорил, что только мысль об отечестве заставляет его выносить “столь тяжкое бремя”, как его жизнь. Между термидорианцами оказались такие его приятели, как Баррас. Через две недели генерал был выпущен из форта, но отправлен в Ниццу как опальный. Когда он опять завел там корсиканские интриги, его опозорили назначением в пехоту, да еще в Вандею, для бесславных схваток с мятежниками, шуанами, восставшими за короля.

Седьмой раз судьба наносила, по-видимому, смертельный удар. Но она не могла сломить человека, про которого приятели уже говорили, что он кончит или троном, или эшафотом. Он сам рисовал себя тогда так: “Я теперь словно накануне сражения. Твердая уверенность, что двум смертям не бывать, одной не миновать, убеждает в безрассудстве задумываться о будущем. Все складывается так, что я должен пренебрегать и своей судьбой, и смертью”. Бонапарт отказался от Вандеи и был уволен. 2 мая 1795 года наш юный генерал прибыл в Париж, опять со своим Люи, но кроме того, еще с преданными Жюно и Мармоном.

Бонапарт был поражен радостным настроением столицы, которая “помнила о терроре не больше, как о сновидении”. Все ликовало, веселилось, наслаждалось, как при беспечном старом порядке. Воскресли и салоны прелестниц. Один из них держала вдову гильотинированного Конвентом генерала Богарнэ, креолка Жозефина: он служил центром зарождавшейся военной знати с ее игрой в высшую политику. То пировала новая буржуазия, цвет которой назывался “золотой молодежью”. Она примыкала к термидорианцам и к эмигрантам, которые возвращались толпами и уже имели своего полководца в лице роялиста Пишегрю. Начиналась контрреволюция. Она отражалась уже и в военных делах. Перед тем революция совершила чудеса доблести и принудила Пруссию к Базельскому миру (апрель 1795 года), который доставил французам левый берег Рейна. Теперь же победители словно окаменели: Пишегрю с Журданом заключили с Австрией ненужное перемирие.

Роялистская реакция воскресала так быстро, что республиканцы уже боялись назначить президента, который как раз превратился бы в Монка: они устроили пятиглавую *Директорию*, душой которой стал Баррас. Роялисты не вытерпели:

они дали республике первую битву, известную под именем восстания *13 вандемьера* (5 октября 1795 года). У них был свой генерал – Пишегрю; директории судьба послала полководца в лице его школьного товарища.

Бонапарт уже около полугода слонялся в Париже без дела. Он опять бедствовал: жил в меблированной комнатке, ходил в поношенном мундире, занимал гроши у неимущего Жюно, пробовал торговать книгами и церковными имуществами на деньги Жозефа, женившегося на дочери трактирщика. За исключением Жозефа, бедствовала и вся семья: сестры голодали с Летицией в Марселе; Люсьен даже попал в тюрьму. Опальный генерал осаждал министерство прошениями с лживыми показаниями о своей службе и с гигантскими планами. Министерство называло эти затеи “химерами”, хотя в числе их был план итальянского похода. Бонапарт то мечтал о роскоши, то слушал курс астрономии, то сватался за богатую сестру жены Жозефа, которая, однако, предпочла Бернадота. Он даже просился на службу к султану и готов был продать себя английской Ост-Индской компании. Иногда он боялся еще худшего: видных якобинцев все арестовывали да казнили. И вот Бонапарт набрасывает консервативные статейки и требует “раскаяния” даже от своих друзей по якобинству. А в душе – мучительный знакомый голос: “воин должен или срывать лавры, или умирать на ложе славы”. Бонапарт чуждался общества. Он посещал только Барраса, который вдруг стал душой “золотой молодежи” и другом элегантных красавиц, в особенности же Жозефины Богарнэ. “Мне надо было уцепиться за кого-нибудь и за что-нибудь”, – говорил потом Бонапарт.

Здесь заселилось сердце страстного корсиканца. Все чуждались этого странного изможденного юноши, с волосами до плеч, с пронзительным взглядом, с искривленными губами, с казарменными манерами. “Он, кажется, желает властвовать надо всем; его взор смущает даже наших директоров, – писала Жозефина подруге. – Он полон самомнения до смешного; но оно до того опутывает меня, что я считаю возможным все, чего ни пожелает этот странный человек. Баррас уверяет, что добудет генералу начальство над итальянской армией, если он женится на мне. А Бонапарт сказал мне: “Так они думают, мне нужен покровитель! Погодите, они сами будут пресчастливы, если я захочу стать их покровителем. При мне сабля; а с нею я далеко пойду!” И опытная прелестница-аристократка уронила поощрительный взор, промолвила ласковое слово: солдат-пролетарий, желавший войти в “высшее общество”, потерял голову от жгучей, непривычной страсти. В мрачном честолюбце еще не совсем изгладились следы “чувствительности” и “идеологии”. В его походной сумке еще хранился экземпляр Руссо; на всей его фигуре еще лежал отпечаток идеализма революции, прикрывая его исполнинское я.

Этого-то нищего чудака, без роду-племени, без отечества и связей, судьба вдруг назначила на роль спасителя правительства. 4 октября 1795 года, выходя из театра со своим Жюно, он наткнулся на баррикаду роялистов. “Ах, если бы парижане поставили меня во главе: ручаюсь, что через два часа они были бы в Тюильри! И я выигнал бы оттуда всех этих негодных членов Конвента”, – воскликнул он. В эту самую минуту Баррас уговорил Карно довериться “корсиканскому офицеруку, который не поцеремонится”. На другой день Бонапарт спас членов Конвента, выступив с пятью тысячами солдат против двадцати тысяч забаррикадированных мятежников. Он искусно пустил в ход перекрестный огонь